

Мирослав ПОПОВИЧ

КРОВАВЫЙ ВЕК

Харьков
«ФОЛИО»
2017

Первая мировая катастрофа

Призрак коммунизма пришел

В середине XIX века в «Манифесте Коммунистической партии» основатели нового движения Маркс и Энгельс написали страшные слова: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»¹. Почему именно призрак, мифическое существо, которое приходит к людям из «того мира»? По-видимому, мрачных коннотаций этого слова основоположники не замечали, но подчеркивали в следующем же предложении, что все силы «старой Европы» объединились для «священной травли» симпатичного призрака. В заключительной фразе «Манифеста» снова прозвучали угрожающие ноты, мотивы насилия и ужаса. «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Под знаком этих грозных пророчеств прошел почти весь XX век.

Незадолго до своей смерти, после неудач Коммунистической Революции в Европе, Ленин определил стратегическую перспективу таким образом:

«Исход борьбы зависит, в конечном итоге, от того, что Россия, Индия, Китай и тому подобные составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с чрезвычайной скоростью в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть и тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»².

Призрак блуждал по Европе, но у него были любимые страны. В «Манифесте» Маркс и Энгельс писали, что особое внимание обращают на Германию, поскольку «немецкая буржуазная революция... может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции». Позже Каутский и Ленин сказали те же слова о России. После Октября не было уже сомнения, что именно в России коммунизм нашел свою *Axis mundi*, Мировую ось.

В другом пассаже вместо «и тому подобные» Ленин говорит о «Востоке», имея в виду в первую очередь наследие Турции.

Остался спорным вопрос, не переместилась ли Мировая ось Коммунистической Революции дальше к востоку, в Китай, на чем настаивали китайские товарищи. Во всяком случае, перспектива столкновения западной цивилизации с объединенными силами российской «диктатуры пролетариата» и восточного «мирового села» тяготела над человечеством в течение почти всего XX века.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произведения. — М., 1948. — Т. 1. — С. 8.

² Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС). — Т. 45. — С. 404.

Таким был результат тех Октябрьских дней 1917 г., которые привели к мировому социально-политическому землетрясению.

Невзирая на кровавые жертвы страшной якобинской эпохи во Франции на пороге XIX века, мир все же называет ее *Великой* французской революцией. Загублено было тогда революционным террором «всего» около 12 тыс. жизней (тогда как война с Англией и участие в Семилетней войне в 1756—1763 гг. стоили Франции жизни 175 тыс. человек, а число жертв белого террора после подавления Парижской коммуны оценивается в 30 тыс. человек); зато революция утверждала такие политико-правовые и моральные принципы, что эта цена не кажется слишком высокой. Защитники красного флага ссылаются на аналогию с *Великой* французской революцией и требуют полной реабилитации Октября.

Какие же принципы утверждала Октябрьская революция? Что мы должны принять и от чего отказаться, чтобы остался навеки красный Октябрь общечеловеческим достижением?

В первую очередь давайте четко уясним себе те события, которые называются Октябрьским переворотом. Как ни странно, именно из укрывательства и сознательной фальсификации фактов о «десяти днях, которые потрясли мир», начинается история российского коммунистического тоталитаризма.

Великая Октябрьская социалистическая революция

Утро 24 октября. Ночь с понедельника на вторник 24 октября прошла спокойно. Улицы были пустынные, дул пронзительный ветер. Налетов и грабежей было сравнительно мало.

Поздно ночью закончилось заседание Временного правительства. Наконец правительство осмелилось арестовать руководителей Военно-революционного комитета (ВРК) и закрыть ультралевые и ультраправые газеты. Премьер Керенский отправился отдохнуть, а штаб начал стягивать в Зимний дворец юнкеров, школы прапорщиков и ударные батальоны. Отряд юнкеров во главе с комиссаром района в половине четвертого утра окружил помещение типографии большевистской газеты «Рабочий путь», рассыпал набор и конфисковал напечатанные экземпляры.

На этом все и закончилось.

Петроград был переполнен войсками — гарнизон насчитывал около 150 тыс. солдат, которые не слушали никого. Поздно вечером в субботу, 21 октября, произошел конфликт штаба Петроградского округа с гарнизоном, и с того времени в столице творилось что-то непонятное. На афишные тумбы наклеивались приказы и воззвания противоположного характера. С воскресенья приказы командующего войсками округа считались действительными лишь при подтверждении созданного накануне, в субботу, Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

С тринадцатого числа правительство обсуждало вопрос о выступлении большевиков. Ожидалось, что оно состоится 20-го, потом пронесся слух о 19-м, а затем стали ожидать воскресенья, 22-го. На улице у мальчишек можно было купить брошюру Ленина «Удержат ли большевики государственную власть». На заседании Петроградского Совета его председатель большевик Троцкий от-

крыто заговорил о необходимости переворота, и зал, сначала бурно протестовавший, замолк, будто замороженный. В газете Горького «Новая жизнь» один из главных большевистских вождей Каменев агитировал против переворота. На тайных совещаниях большевистского ЦК, в которых приняли участие нелегалы Ленин и Зиновьев, был взят курс на переворот, хотя участники с мест свидетельствовали, что массы поддержат Совет, а за большевистской партией не пойдут.

Но никто не представлял, как будет выглядеть выступление большевиков, в том числе и их вожаки. Ожидалось, что в воскресенье большевики начнут распылять толпы на митингах и поведут разъяренную чернь на Зимний дворец и главные правительственные учреждения. Поэтому милиции было приказано оформлять протоколы о собраниях и в случае необходимости применять силу. Но никаких протоколов никто не писал. Большевистские ораторы выступали на митингах целый день. Люди, послушав, расходились.

Субботний конфликт обнаружил другой возможный ход событий.

Солдатская масса — та же, что несколько лет назад с большим подозрением относилась к «жидам и студентам», а в июле склонна была верить, что большевики — немецкие шпионы, — эта масса теперь готова была перестрелять неизвестных провокаторов и корниловцев, которые готовят контрреволюцию. Потому что провокаторы и корниловцы требовали отправить их, солдат, обратно в окопы.

Вечером в воскресенье выяснилось, что Петропавловская крепость отказалась признать комиссара, назначенного ВРК. Антонов-Овсеенко с жаром доказывал, что нужно ввести в Петропавловку войска. Троцкий и Лашевич поехали брать крепость словом.

Митинг продолжался всю ночь. Наутро охранников крепости убедили или взяли измором. Арсенал со 100 тыс. винтовок и командные позиции над Зимним дворцом и Троицким мостом перешли под контроль большевиков.

Бонч-Бруевичу, ответственному за выпуск большевистской газеты, печатники сообщили о захвате типографии юнкерами, когда он только только пришел домой и собирался поспать. Бонч-Бруевич немедленно отправился в Смольный, где другие рабочие рассказывали то же самое Троцкому и Подвойскому. Решили будить Антонова-Овсеенко. Тот послал в Литовский полк распоряжение выделить газете охрану. Собрали ВРК, который только что разошелся после заседания. Собрался и большевистский ЦК, постановили не расходиться и распределили обязанности между членами Политического бюро. Свердлов должен был следить за действиями Временного правительства, Дзержинский отвечал за захват учреждений связи, Бубнов — вокзалов. Сталина не было, он отвечал за налаживание газеты. Троцкий вернулся на заседание Петроградского Совета.

Левые эсеры, которые входили в ВРК, немедленно поставили перед Троцким вопрос о том, не являются ли осуществляемые под прикрытием ВРК меры под-

Запугивание возможностью большевистского наступления привело только к тому, что солдаты решили не слушать ничьих приказов, кроме Петроградского Совета, ведь им было точно известно, что Совет против отправки армии на фронт. Для того чтобы не допустить «корниловщины», то есть отправки гарнизона на фронт, в субботу и был создан ВРК. Тот факт, что Петроградский Совет управляется большевиками и там руководит ВРК, солдат не интересовал.

готовкой к восстанию. «Это оборона, товарищи, это оборона», — отвечал Троцкий. То же говорил Сталин делегации эсеров. Студент Камков, один из лево-эсеровских лидеров, и еще кто-то появились в ВРК в разгар подготовки захвата учреждений; они заявили, что вошли в ВРК не для восстания, а для обороны демократии. «Левые эсеры могут в нем оставаться, если не будет попыток создания однопартийного правительства над революционной демократией. Власть должна быть создана съездами рабочих и крестьян!» Без возражений ВРК принял резолюцию: «Вопреки всяким сплетням и слухам, Военно-революционный комитет заявляет, что он существует совсем не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, но исключительно для защиты интересов петроградского гарнизона от контрреволюционных и погромных посягательств...»¹

В восемь утра отряд солдат Литовского полка занял помещение «Рабочего пути». Юнкера мирно вернулись в свои казармы.

Часов с десяти в частях гарнизона начались митинги. Некоторые из них были за нейтралитет, но большинство поддерживали ВРК.

А. Ф. Керенский

Керенский пришел в Мариинский дворец, где заседал Совет республики, и, задыхаясь от волнения, произнес страстную и почти бессмысленную речь, из которой, однако, было ясно, что правительству решилось на аресты и следствие. Ни эсеры, ни меньшевики не поддержали чрезвычайных мер правительства. Совет республики по их предложению принял «формулу перехода», требуя передачи земель крестьянам через специальные комитеты и начала мирных переговоров. Несколько дней назад такая резолюция была бы у большевиков почву из-под ног.

Навести порядок в городе Совет республики поручал не военным, а Комитету общественного спасения.

День 24 октября. Часов в 12 дня к Зимнему подошел женский ударный батальон. Ударный батальон раненых солдат не смог выбраться из Царского Села. Велосипедисты (5-й самокатный батальон) отказались ехать из Подольска. Штаб вел переговоры со школами прапорщиков. Самокатный батальон, охранявший Зимний дворец, во второй половине дня покинул пост.

В начале третьего начальник штаба округа приказал развести мосты, но выполнить этот приказ никто не мог. Слух о разведении мостов вызвал в безразличном до того городе панику. Служащих отпустили домой, магазины начали закрываться, улицы вокруг Дворцовой площади опустели. На Неве, напротив, собралось много любопытных.

Бледный и взволнованный Дзержинский встретил в коридоре двух знакомых поляков — Пестковского и Лещинского — и дал им мандат как комиссарам ВРК на захват телеграфа. Вдвоем они и пошли, не имея даже револьверов. Охрану телеграфа нес Кексгольмский полк, якобы сочувствовавший большевикам.

¹ Антонов-Овсienko В. О. У революції. — К., 1957. — С. 159—160.

Комендант охраны, меньшевик-интернационалист, оказался старым знакомым Лещинского и обещал не мешать. Караул остался; он был за ВРК и теперь нес охрану от его имени. Комиссары подошли к председателю профсоюза и сказали, что занимают телеграф; тот спокойно пригрозил выставить их за двери. Тогда Пестковский приказал солдатам караула стать возле аппаратов. Перепуганные телеграфистки подняли крик. Профсоюз решил оставить комиссара, а солдат попросил выйти. Те вышли.

Около семи вечера прибыли юнкера сменить караул. Солдаты отказались меняться. Юнкера стушевались и ушли.

К этому времени это было едва ли не единственное завоевание ВРК.

Вечер 24 октября. Когда стемнело, в гараж вернулись все 17 броневиков, которые охраняли вокзалы, телеграф, телефонную станцию и Зимний дворец. Фактически важнейшие центры столицы остались без охраны.

На следующий день должен был открыться II Всероссийский съезд Советов. Петроградский Совет под председательством Троцкого заседал непрерывно, речь следовала за речью. Троцкий послал в Кронштадт за матросами.

Ленин метался в своей каморке, где его прятали от полиции и военной контрразведки; вечером он написал последнее обращение к ЦК, требовал активных действий, убеждал, что «промедление смерти подобно», что нельзя в любом случае оставлять власть у правительства до 25-го, что «решать дело» нужно обязательно 24-го вечером.

Получив распоряжение, ЦК решил до утра завладеть всеми жизненно важными центрами, а утром, после прихода матросов, взять Зимний дворец. Наконец вызвали в Смольный Ленина.

Когда Ленин, выбритый, в парике, с перевязанной щекой, шел в сопровождении своего охранника финна Рахья через безлюдный Петроград, он убедился, что, в сущности, правительство не имеет власти в городе. Около одиннадцати вечера он прибыл в Смольный и в первую очередь спросил у Троцкого, правда ли, что ведутся переговоры со штабом округа. Тот ответил, что это делается для дипломатического прикрытия.

Между тем, Дзержинский поручил захватить Петроградское телеграфное агентство (ПТА) молодому морскому офицеру Старку, большевику из известной адмиральской семьи. У Старка было два револьвера, и сопровождали его с десяток верных матросов. Около девяти вечера он прибыл в ПТА с отрядом и девушкой-большевичкой и заявил его директору, что является комиссаром ВРК и требует для просмотра все сообщения агентства. Директор ответил, что комиссара не признает, но насилью подчиняется. Сообщение о решении Совета республики начать мирные переговоры и образовать земельные комитеты Старк в прессу не пустил.

Зимний в дни Октябрьского переворота

В это же время на Балтийский вокзал прибыл прапорщик с ротой солдат, прошел к коменданту станции и объявил, что, как комиссар ВРК, берет на себя

Патруль ВРК на улицах Петрограда

полномочия по наблюдению за порядком отправления поездов и следования пассажиров. Прапорщик начал расставлять караулы. Никто ему не оказывал сопротивления.

Так до утра были заняты банк, почтамт, вокзалы. Кое-где караулы юнкеров заступали на место солдатских караулов, но скоро юнкеров снова сменили солдаты. Поздним вечером некоторые мосты развели, но ночью их опять свели.

Ночь. Утро 25 октября. До трех часов ночи Керенский вел безуспешные переговоры с казачьими полками. Казаки отказывались выступать без пехоты. Утром в Зимний дворец прибыли юнкера военно-инженерной школы прапорщиков. Около шести часов Зимний начали окружать солдаты мятежного гарнизона.

Около семи часов утра 25 октября в Главный штаб приехали на велосипедах двое солдат и вручили ультиматум от имени Петропавловской крепости. Перепуганное руководство уехало,

пообещав позвонить по телефону. Солдаты сели на велосипеды и тоже уехали. В штаб прибыл караул Павловского полка, а позже — комиссар ВРК. Полковник Пораделов, который сам остался на хозяйстве, решил арестовать их. Днем группу арестованных повели в Петропавловку. По пути случилась стрельба, толпа убила одного из арестованных.

Между тем, в Смольном выяснили, что нет плана взятия Зимнего дворца и за это вообще никто не отвечает. Для его разработки ВРК выделил тройку в составе Антонова-Овсеенко, Подвойского и Чудновского.

Американский корреспондент Джон Рид вспоминает, как подошел к караулу у Государственного банка и спросил: «Вы чьи? Вы за правительство?» — «Нет больше правительства! — улыбаясь, ответил солдат. — Слава богу!» Это было все, что я смог от него добиться»¹.

¹ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. — М., 1957. — С. 80.

Около десяти утра на афишных тумбах появились воззвания ВРК, которые начинались словами: «Временное правительство низложено». Рядом расклеивались воззвания правительства.

На Николаевский вокзал прибыл грузовик с юнкерами. Их арестовали и пытались расстрелять как провокаторов, но позже отвезли в Петропавловку. Целый день в крепость поступали

небольшие группы разоруженных юнкеров — их арестовывали по своей инициативе те, кто имел при себе оружие.

Днем на Невском проспекте расположились патрули Павловского полка. Их окружили прохожие и доказывали солдатам, что они продают революцию. Те только улыбались.

Около половины третьего в Смольном открылось заседание Петроградского Совета. Троцкий объявил, что наконец-то в заседании смогут принять участие Ленин и Зиновьев. Ленин сделал доклад, который начинался патетическими словами: «Великая социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, свершилась!»

Между тем не все шло гладко. Штурм Зимнего, запланированный на утро, все не начинался — матросы из Кронштадта опаздывали. На гарнизон особенно полагаться не приходилось: красногвардейцев было мало и они совсем не умели воевать. Открытие съезда откладывалось до взятия власти.

Антонов-Овсеенко требовал решительных действий, Подвойский рассчитывал больше на недееспособность защитников правительства. Вдруг объявил о нейтралитете батальон преображенцев, который занимал позицию как раз на Миллионной улице, оттуда намечался главный удар по Зимнему дворцу.

В четыре дня наконец прибыло учебное судно с десантом кронштадтцев. Антонов-Овсеенко отправился в Петропавловку. Но артиллеристы неожиданно отказались стрелять под тем предлогом, что якобы не подходят снаряды; договориться с ними не смогли. Услышав стрельбу где-то возле Главного штаба, Антонов-Овсеенко поехал туда на мотоцикле (думали, что правительство там). Но это просто толпа пыталась убить арестованных офицеров.

Вечер 25 октября. Солдаты у Зимнего разожгли костры и чего-то ждали. Время от времени они перемещались ближе к дворцу. Во дворец прошел Чуднов-

Так брали Зимний

Возле Смольного

Утром 26 октября возле Зимнего дворца